

Элина
Бэйли

16+

Мой (не)

НАСТОЯЩИЙ ПАПА

Элина Бэйли

Мой (не) настоящий папа

«Автор»

2026

Бэйли Э.

Мой (не) настоящий папа / Э. Бэйли — «Автор», 2026

— Тётъ Маш! Это кто? - смотрю на девочку, она сидит на полу в растянутых колготках и майке с выцветшим принтом.— Гера, ты со своими бабами и гулянками все мозги потерял. Говорю, твоя дочь! Разве не видно?Подхожу ближе. Малышка поднимает глаза. Серые, как у меня, и были у мамы.— Откуда она взялась? Кто её принёс? Когда? - даже слов нет от возмущения.
— Так она у меня третий день уже. Ты вон в костюме каком, а у ребёнка и одежды нет.— Стоп. Как третий день? Тётъ Маш, что ты хитришь? Ты в своём уме? А если эту девочку украли? Ты понимаешь, что это срок? - стараюсь вразумить тетку.— Да ты глаза открой! Герман! Она же копия твоей матери! Тут и экспертизы не надо! Ее зовут Алиса. Мама у неё — Вера. Вспоминай, с кем в кровати кувыркался, не при ребёнке будет сказано, - тетя подзывает девочку к себе. — Мы сейчас вызовем полицию, — говорю, доставая телефон.
— Пусть разберутся, чей это ребёнок и почему его притащили сюда.

© Бэйли Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мой (не) настоящий папа

Глава 1

— Гера, ну где ты, я тебе уже третий день звоню! - тревожный голос тёти Маши врывается в комнату, как будто кто-то вломился без стука. Я сажусь на край кровати, сбрасываю с себя мятую простыню, голова скрипит.

За окном утро, туман над прудом, запах хвои и влажной земли. В спальне пахнет духами Миры, дымом и секса. Я потерял счет времени, и сам не понял, как пролетели выходные.

— Тётъ Маш, что случилось? Все живы и здоровы? - стараюсь говорить спокойно, нужно ее успокоить, а то по ощущению, земной шар на две части развалился, а я еще не в курсе.

— Гера, что же ты мне не сказал — она же копия Ниночки! Хорошенькая такая же, кончики волос также завиваются. Она же, как Ниночка в детстве!

Я провожу ладонью по лицу. Тётъ Маша — сестра моей матери. После смерти мамы она осталась единственным родственником, она взяла меня к себе, за что я ей очень благодарен. И закрываю глаза на разные странности: она во всем видит маму - в кошках, в чужих детях, даже в каких-то моих новых девушках выискивает общие черты.

— А теперь у нас кто? Снова кошечка или рыбка, черепашка? — спрашиваю, стараясь говорить ровно, не хочу конфликтовать, каждый из нас переживает траур по-своему.

— Гера, да какая кошечка! Девочка! Думаю, ей четыре годика. Она пока больше молчит, но покушала, спит хорошо.

Ага, и вы лоток ходит без промахов, - возникает у меня в голове.

Я замираю. В ушах шум, стараюсь осмыслить, что сказала тетя Маша?

— Какая девочка? Откуда? Во что ты снова влезла?

Тетка у меня очень доверчивая и сердобольная. Я раньше думал, что эти люди, которых обманывают мошенники, или кто скупает всякое барахло у торговых представителей, что шляются по квартирам. Теперь ответ найдет, но одно дело пластиковый вонючий чайник купить по цене крыла самолета, а тут какая-то девочка!

— Ну что ж ты так долго соображаешь? Дочка твоя! Копия Ниночки!

«О господи, опять её фантазии», — мелькает в голове. Но я не говорю этого вслух. Не из вежливости — просто бесполезно.

— Так, я через пару часов приеду. Что-то привезти?

- Ребенку гостинец, а то как сирота при живых родителях.

Кладу трубку. Поднимаю глаза, в окно машет Мира.

— Герман, выходи! Я уже минут пять тебе машу, а ты как истукан. А я уже успела соскучиться! — она в одной простыне, босиком выходит на террасу. Солнце играет на её плечах, но мне не до этого.

— Мне в город надо вернуться. Кажется, там у меня родственница с ума сошла. — Опять тётъ Маша? — Она скрещивает руки на груди. — Мне иногда кажется, что она тебе дороже, чем я. Я и так Новый год в прошлый раз почти без тебя встречала.

— Если ты не помнишь, то я не за столом с друзьями сидел, а с тёткой в больнице. И хочу ещё раз напомнить: тётъ Маша мне как мать. Это не обсуждается.

Мира фыркает, но в глазах — обида, не злость. Она знает: с этим не спорят.

Дорога до города — сорок минут. Я еду молча, руки на руле, взгляд вперед. В голове крутятся: «Дочка. Годика четыре, похожа на маму».

Мама умерла, когда мне было двенадцать. Иногда мне кажется, что я помню ее по фотографиям. Но тётъ Маша... она всё помнит.

Своим ключом открываю дверь. В квартире — духота, запах молочной каши и детского мыла.

— Тётъ Маш, может, форточку открыть? Или балкон оставить на проветривание, дышать нечем? — кричу, разуваясь.

— Ага, ребёнок на полу играет, хочешь, чтобы её протянуло? Ну, головой думай!

Прохожу в зал. Готов увидеть котёнка в шапочке или попугая в клетке. Но...

Посередине комнаты, на потёртом ковре, в растянутых колготках и майке с выцветшим принтом сидит девочка. Лет четырёх-пяти. В руках — розовый заяц с одним ухом. Она не плачет, не вертится, просто сидит, водит пальцем по шву игрушки.

— Тётъ Маш! Это кто? — Гера, ты своими бабами и гулянками все мозги потерял. Говорю — твоя дочь! Разве не видно?

Подхожу ближе. Она поднимает глаза. Серые. Как у меня. Как у мамы.

— Откуда она взялась? Кто её принёс? Когда?

Обхожу её по кругу, как осматриваю подозрительный груз. Внутри ни страха, ни радости, только нарастающее напряжение, будто перед дракой.

— Так она у меня третий день уже. Ты вон в костюме каком, а у ребёнка и одежды нет.

— Стоп. Как третий день? Тётъ Маш, что ты хитришь?

Она садится на стул, устало. Девочка подходит, прислоняется к её колену.

— Всё просто. Её тётя привезла по твоему месту прописки. А оттуда Зина позвонила — она же наш адрес не знает, а мой номер есть. Я оставила, чтобы за батареями смотрела, звонила, когда платёжки приходят. Вот она и позвонила! Говорит: «Герману подарок пришёл».

— Ты в своём уме? А если эту девочку украли? Ты понимаешь, что это срок?

— Да ты глаза открой! Она же копия твоей матери! Тут и экспертизы не надо!

— Зовут-то её как?

— Алиса. Мама у неё — Вера. Вспоминай, с кем в кровати кувыркался. Не при ребёнке будет сказано.

Смотрю на девочку. Четыре года. Значит, мать... пять лет назад.

То было золотое время. Второй магазин спортивного инвентаря, прибыль, кредиты под ноль, девчонки как конфеты в коробке: сегодня одна, завтра другая. Конечно, никаких имен я не помню, да и как всех вспомнишь.

Никогда не верил, что от таких связей могут быть дети. А если могут... сколько их тогда?

— Мы сейчас вызовем полицию, — говорю, доставая телефон. — Пусть разберутся, чей это ребёнок и почему его притащили сюда.

— Дурак безмозглый! — Тётъ Маша вскакивает, хватая меня за руку. — Ты её на себя оформи, а я воспитывать буду! Я тебя в детдом не сдала — и её не сдам!

Глава 2

— Герман, ну ты где? Ты обещал быстро вернуться, возьми винишка. Я уже соскучиться успела, — Мира звонит уже третий раз. Два первых я сбросил, не глядя. - Что случилось-то?

— У меня тут дела образовались срочные. Я сегодня не приеду, — пока ума не приложу, как преподнести новость. — Я тебе денег скину, ну, закажи себе чего-нибудь.

— У тебя какие-то проблемы? — голос становится строгим. Может, она и правда за меня волнуется?

— У меня тут Алиса нарисовалась. Мне надо с ней всё решить. Я тебе потом всё расскажу.

Не дожидаясь воплей, бросаю трубку.

Смотрю на тётю Машу. Она сидит на диване, одной рукой придерживает девчонку за плечо, другой гладит её по волосам, что-то ей нашептывает. Алиса сидит тихо, сжав розового зайца в кулачке, коленки подтянуты к груди.

Напрягаю память, может, если она моя дочь, то я как-то смогу вспомнить, как выглядела ее дочь? А если это какая-то подсадная утка, а потом во всех газетах напишут, что я украл ребенка. Нет, сначала нужно решить вопрос правоохранительными органами, а потом уже все остальное.

— Гера, это Ниночка там договорила, - показывает пальцем вверх. - Я же сейчас постоянно одна, вот мне и послал мир девочку. Я же ещё полезной быть могу.

История сродни Снегурочке, только деда и снега в этой истории не хватает.

— Я всё понимаю, но так не бывает. У ребёнка должно быть свидетельство о рождении, она должна была быть прикреплена к какой-то поликлинике. Она же не Маугли.

Смотрю на Алису. Она смотрит на меня исподлобья, на контакт не идёт. Ни улыбки, ни вопросов. Просто сидит — как будто уже знает: взрослые либо предадут, либо бросят.

— Ну, давай знакомиться. Я Герман, — протягиваю руку.

Малышка смотрит на неё, отодвигается немного, на лице ни капли улыбки, глазки серьезные.

— Тётя Маш, мне кажется, мы с тобой влипли в какую-то историю. Давай, либо полицию вызову, либо ПДН. Нам надо как-то зафиксировать, что у нас чужой ребёнок. Потом хуже будет.

Открываю телефонную книгу, быстро пробегаю по контактам.

Сначала набираю Элю. Она знакомая Миры, адвокат, занимается бракоразводными делами. Должна знать, что делают с «бесхозными» детьми.

На второй гудок она берёт трубку.

— Эля, это Герман. У меня к тебе странный вопрос. Ты у нас часто разводами занимаешься, а лишения родительских прав — не было в твоей практике?

— Ого, серьёзный вопрос. Посмотрю, вышлю контакты сообщением. А что случилось?

— У меня тут дочка объявилась.

— Дочка? Ого, а Мира в курсе? Как она к этому отнеслась?

Твою мать. Вот именно сейчас о своей подруге я меньше всего помню. Эля вроде не тепло, но боюсь — такую новость даже она не удержит.

— Пока нет. И давай оставим это пока в секрете. Нужно несколько нюансов утрясти. Буду твоим должником. Договорились?

— Конечно.

Уже по интонации чувствую: прямо сейчас в каком-нибудь чате появится сплетня: «Герман Ярных — новоиспеченный отец».

Эля присылает номер телефона, пишет, что успела предупредить инспектора, та ждёт звонка.

— Гера, ты сейчас делаешь самую большую ошибку! — тётя Маша встаёт, голос дрожит. — Проще всего ребёнка сдать, и проблемы нет. А ты о ней подумал? Как ей жить в этом мире? Папа жирует, с мамой вообще непонятно, а её в детдом? Представь ей сейчас каково, она же маленькие, а мы ей чужие. Себя вот на ее место поставь!

При упоминании мамы Алиса ещё сильнее прижимается к тёте Маше. Не плачет. Просто вжимается в неё, как будто пытается исчезнуть.

— Пойдём, я тебе молока налью и пряник дам. Будешь?

Алиса кивает. Они уходят на кухню. Через минуту тётя Маша возвращается. В руках — старый снимок. Чёрно-белая карточка, на ней моя мама. Ей там лет шесть-семь.

— Да ты глаза раскрой! — сует её мне. — Раз моим словам не веришь.

Беру фотку. Снимок такого качества, что лицо едва различимо. Но... что-то есть. В разрезе глаз. В линии подбородка.

— Ну, может, и есть сходство. Я же не говорю, что её выбросить надо, Алиса же не котёнок. Но надо понять: кто она? Где её мама? Видео с камер наблюдения на том доме запросил. Нужно хоть что-то прояснить.

На телефоне появляется неизвестный номер.

— Добрый день, меня зовут Ольга Сергеевна. Мне ваш номер Элеонора Маратовна дала. Сказала, что у вас проблемы с ребёнком. Чем могу помочь?

— Ого, а теперь сервис и в обратную сторону работает?

— Я с вами не шутить планировала, а работать в интересах ребёнка, — чеканит слова, как приказ.

Ох, как я не люблю всех этих людей системы — вышколены, вместо сердца — пламенный мотор. В любой момент готовы на подвиги, только бы отчитаться.

— Да её тут не обижают. Тётка моя, кажется, уже прикипела. А мне главное, чтобы потом проблем не было.

— Называйте адрес. Я сейчас приеду.

— Вышлю сообщением. Или такси могу заказать — как вам удобнее.

Тётя Маша смотрит на меня как на врага. Глаза наполняются слезами, но она не плачет. Только сжимает губы.

— Я обещаю, мы никуда её не сдадим. Ну что, гостя из прошлого, давай дружить. У неё из одежды только бусики и трусики?

— Нет, вон пакет стоит. Но там всё такое старенькое, поношенное. Я не могу на неё смотреть, худенькая какая.

Ну, тётя Маша, конечно, преувеличивает. Девочка нормальная. Не доходяга. Просто маленькая. И слишком тихая для своего возраста, но я бы на ее месте, точно бы не отсвечивал.

Приходит голосовое сообщение.

— Герка, ну ты и кусок дерьма. Ребёнка на стороне завёл, а от меня скрыть собрался? Долго планировал молчать и из меня дуру делать?

Твою дивизию. Что-то женщины вокруг меня сговорились свести меня с ума.

Глава 3

— Ну, и заварила ты кашу, тётъ Маш! Надо было мне позвонить сразу, как Алиса появилась.

Тётка смотрит на меня с ненавистью, сует под нос свой телефон — там просто тьма пропущенных вызовов на один и тот же номер: на мой.

— А как я тебя должна разыскивать? С собакой и милицией? Хорошо хоть детенка домой привезли, и соседка твоя среагировала. А если бы её на улице оставили! Так, пока ничего не понятно, я буду твоим представителем и исполнителем. Денег на одежду ребёнку давай, или ты думаешь, она вот в этом будет всё время ходить? Самому не стыдно?

Подкатываю глаза, а вот и вся женская сущность - денег давай и отчет не спрашивай, просто копилочку пополняй.

— Так деньги в шкафу есть. Я тебе также каждый раз в чайник немного докладываю.

— Вот именно — ты докладываешь. Но это твои деньги, а я без согласования и копейки не возьму. Вот, если ты не против, то мы сейчас до детского магазина доедем и Алисочке всё купим. Буду с тебя так алименты на нее требовать. И ремонт бы в спальне, кровать детскую, чтобы красивенько все было.

— Давай. Ольгу Сергеевну подождём, потом будем решать.

Откупиться деньгами сейчас самое простое, и для самое удобное, но что-то внутри подсказывает, что спешить не надо.

— Если она её заберёт, я тебе говорю — я тебя прокляну. Да так изошрённо, что ближайшие десять лет никакой интимной жизни. — Тётъ Маша смешно приподнимает брови. — Поверь мне, никакой не будет. С этим лучше не шутить.

Оба смеёмся. Алиса подходит, садится рядом, на меня смотрит боковым зрением — как будто проверяет: можно ли мне доверять. Можно, котик, можно.

Протягиваю к ней руку.

— А она глухонемая или отсталая? У знакомых дети в этом возрасте тараторят без конца, а Алиса молчит.

Не уверен, что малышка поняла смысл моих слов, но на лице у не появилось возмущение.

— Ну, она пока тебя не увидела, то разговаривала. Логопед, конечно, будет нужен — некоторые звуки поставить. Соображает тоже хорошо. Я про то, что ребёнком занимались. Никакой педагогической запущенности у неё нет. Страдалица моя.

Звонок в дверь.

Алиса напрягается. Спина выгибается, пальцы впиваются в край дивана. Глаза — на дверь, потом на меня, потом на тётю Машу.

Иду к двери.

— Здравствуйте, вы Герман? Я вам звонила.

Передо мной девушка в темно-синем костюме, лицо суровое. Сколько ей — двадцать, чуть больше? А уже видно: будет хорошей шестеренкой в системе. Выправка, взгляд, даже походка — всё отполировано под «госслужащая».

— Спасибо, что приехали. Выходной всё-таки. Я не думал, что вы так быстро среагируете. Или у вас дежурство? — убого выглядит попытка начать диалог.

— Пойдёмте к ребёнку!

— Проходите, можете не разуваться.

Она кидает на меня такой взгляд, будто я предложил ей попить из лужи. Быстро проходит в гостиную.

— Здравствуйте, — голос смягчается. — Маленькая принцесса, как тебя зовут?

— Алиса, — как будто котёнок замыкал.

Ничего себе. Значит, с незнакомой тёткой она разговаривает. А, возможно, родному отцу и «привет» зажала. Видно, настоящая женщина растёт — мужиками будет крутить только так.

— Смотри, я тебе что привезла, — протягивает какие-то яркие карточки.

— А вы ко всем чужим детям так ездите с подарками?

— Да. И если вам интересно, и я покупаю их сама, не на ваши налоги. Думаете, сейчас малышке будет приятен наш разговор? Думаете, она не понимает, что её как котёнка в коробке выставили? И ей не страшно? Ну так только мужчина может подумать. У вас же всё просто. Она — ребёнок, а не компьютерная игрушка.

Ну ничего себе. За пять минут меня ещё и незнакомая девка-инспектор успела облаять. Кто ж такую обидит — она сама семерым навалает.

— Герман, иди лучше чайник поставь.

Тётка Маша берёт Алису на руки. Та не сопротивляется — прижимается щекой к её плечу, но глаза не закрывает. Слышу, как тетя Маша повторяет уже в третий раз: как Алису принесла соседка родительской квартиры.

У нас там никто не живёт. Продавать — рука не поднимается. Квартира старенькая, особо денег не заработать, но дорога мне как память. Приезжаю в неё в дни памяти или когда на душе всё скребётся и воет. Иногда просто сижу на кухне, пью чай из маминой кружки — будто она вот-вот зайдёт и скажет: «Герка, ты опять в грязной обуви?»

— Герман, а теоретически Алиса может быть вашей дочерью?

— Я не святой. И по молодости был у меня грешок — женщин очень любил. И они меня, кстати, тоже.

— А сейчас разлюбили? — на лице Ольги Сергеевны появляется какая-то брезгливость.

— Ну нет, просто немного остепенился. У меня постоянная девушка есть.

— Ага, швабра безмозглая, деньги из него сосёт, а он и рад. Лучше бы ребёнку дал, пользы было бы больше!

— Стоп! — повышаю голос, чтобы заглушить этот птичий базар. — Если Алиса моя дочь, то у неё всё будет. Не надо из меня монстра делать.

— Алиса, а где мама?

Девочка разводит руки — нету, ушла.

— Так, я сейчас её заберу в приёмник. Начнём розыск родителей.

— В какой приёмник? Нет, Олечка... ну, Ольга Сергеевна! Разве у нас ей плохо? И постелька чистая, и еды полно, и одежды — пойдём сейчас купим. Герман же не для этого позвонил — чтобы по закону всё было. Пусть она у нас побудет, под моей опекой, а вы делайте, что надо.

Алиса смотрит на инспектора. Потом — на меня. Потом — на тётку Машу. И вдруг тихо, почти шёпотом:

— Я с вами не хочу.

Ольга Сергеевна замирает. Я — тоже.

Тётка Маша прижимает её к себе ещё крепче.

Глава 4

Мира

— Ну, что у меня для тебя новости, — Эля звонит в самое время, когда третий коктейль уже не лезет, а прогулка и «созерцание» природы вокруг уже поперёк горла стоит.

Как мне надоел этот «совместный отдых». Выгуливает меня, как собачонку на поводке. А пора бы уже жениться! Я не девочка на выданье из провинции — я Мира. У меня образование, манеры, я знаю, как вести себя в ресторане, как одеваться, как держать паузу. И я не собираюсь годами кружить вокруг него, как муха над компотом, только чтобы в итоге уступить место какой-то... неизвестно кому.

— Ну, твой аист в каком-то другом месте гнездо свил, — Эля по-дурацки хохочет, а мне хочется стукнуть чем-то даже через телефон.

— Если есть что сказать, то говори. А просто сотрясать воздух не надо.

Она мне просто завидует. Герман у нас — завидный мужик: серьёзный, при деньгах, бизнес как раз взлетает. А у неё — вечные разводы, долги и мужики, которые исчезают после третьего свидания. Вот она и бесится. Каждый раз норовит подкинуть мне «сюрприз», чтобы мы поругались. Только не выйдет.

— Так, у него дочка родилась. Он сейчас её мамашу родительских прав лишает, а ты не в курсе? Ну вот, я открою тебе глаза. Вы с Германом сколько? Больше года, если я правильно помню, а тут вот какая незадача: представляешь — беременность девять месяцев. Значит, где-то твой щегол недоговаривает. Или ты его не интересуешь в полную меру, вот он налево и посматривает. Или у тебя ветвятся рога, — Элька смеётся, аж похрюкивает. — Я тебе рекомендую: ничего не говорить жениху. Я, как всё узнаю, так сама тебе расскажу. Я к нему свою одноклассницу отправила — волнуйся, она у нас Синий чулок и серая мышь в одном флаконе.

Психую. Швыряю телефон на диван, будто он в чём-то виноват. Представляю, как сейчас Эля рада — сидит на своей кухне с дешевым вином, улыбается своей сальной мордой, думает: «Ну всё, Мирка получила».

Ладно. Эта дура немного позлорадствует и на той же заднице сядет. А вот Герка сейчас у меня получит.

Набираю ему. Стараюсь дышать глубоко, как учили на йоге, но ничего не выходит. В груди ком, в висках стук. Хочется разломать этот дрянной дом в лесу, где он меня «прячет» от города, от людей, от жизни. Пускай мне пыль в глаза пускает, я не дура.

Трубку не берёт.

Ладно. Я сама сейчас поеду. Интересно, она на каком адресе? В нашу квартиру, хоть она и по документам его, но я там живу, он притащил свою хабалку? Где мои вещи? Где аура, которую я сто раз благовониями очищала? Мне там никого не надо!

Собираюсь быстро. Бросаю в сумку телефон, ключи, помаду. Готова сейчас в одном халате лететь, лишь бы не проморгать момент, когда всё решится.

Спускаюсь во двор. Твою мать! Он же уехал на машине, а мне теперь что делать? Вызываю такси. Минут тридцать ждать.

Набираю ещё раз. Уже через телефон готова и его придушить, и эту бабу. Сто процентов какая-то эскортница голову ему вскружила, а теперь на моё место собирается. Вот Элька затравку бросила и в кусты. Со всех сторон же знает, что там за ребёнок, сколько лет, кто ее мамаша. Это она надо мной издевается.

Слезы наворачиваются на глаза. Жалко себя. Я не для этого так долго вокруг вилась, чтобы всё в один миг сломалось. Хотя... почему оно должно сломаться? Не должно. Если бы он меня не любил, давно бы ушёл. И сейчас бы сказал: «Мира, выметайся в Саратов». Но нет. Значит, и ничего ещё не потеряно.

Может, дитю теперь мать нужна? Вот, кто ещё лучший претендент? Я ухоженная, спокойная, умею создавать уют.

Снова набираю номер. Гера, ну, возьми же трубку.

Записываю голосовое, пусть сразу мой настрой знает:

— Герка, ну ты и кусок дерьма. Ребёнка на стороне завёл, а от меня скрыть собрался? Долго планировал молчать и из меня дуру делать?

Сижу на ступеньках крыльца. Жду, когда такси приедет. Интернет показывает: можно пройти четыре километра до станции и ехать на электричке. Ну, пипец. На каблуках я сейчас по шпалам пойду?

Кажется, я уже все три стадии принятия прошла. Сначала — шок. Потом — ярость. Теперь — расчёт. Сейчас немного повою, нацеплю улыбочку помилее и пойду в мать играть.

Телефон вибрирует. Может, таксист потерялся? А нет — вот и Герка обо мне вспомнил.

— Ну, ты мне ничего не хочешь рассказать? — ору в трубку.

— А Элечка у тебя не промах. Хватит сплетни собирать. Когда сам всё пойму — расскажу. И истерики мне тут закатывать не надо, — говорит спокойно. Голос почему-то отдаётся эхом, как будто картошку в цинковое ведро бросают.

— Конечно! Ты по бабам будешь бегать, детей плодить, а я буду букет из венерических болезней собирать и чужих детей нянчить! Герман, ну ты сам слышишь, что говоришь?

— Да какие постели. Алисе годика четыре. Это ещё до тебя было. Понятно?

Что? Это уже большая девочка. Не надо за ней кашки и какашки отмывать. Может, ею будет тётка его бешеная заниматься?

— Гера, ну тем более! Почему я от чужих людей всё это узнаю? — Ощущение, будто огромный шкаф с антресолями свалился с плеч. — Я же детей люблю! Колыбельные петь умею, сказки читать ей буду. Я думала... я думала, ты меня разлюбил. Куда мне приехать?

— Мир, будь там. Я пока все вопросы не решу, отсюда не уеду.

Да какого чёрта? Ещё не факт, что соплячка - его дочь, а уже встала между нами.

Глава 5

-Ну, вы хоть вспомните, с кем у вас были отношения, кто её мама! Ну также не бывает, чтобы просто ни о ком ничего не известно. Посмотрите в интернете у вас на странице фотографии прошлых лет, может, там какие-то концы найти можно.

Ольга Сергеевна кому-то звонит. Я стою рядом, прислонившись к стене, будто мне так легче держать равновесие. В груди — тупая тяжесть. Чувствую себя как между молотом и наковальней. Если сейчас тётка услышит, что будет вызван наряд для изъятия ребёнка, она точно прийдёт Алису прямо тут - не из злобы, а от отчаяния.

Смотрю на эту девушку. Невысокая, тоненькая, ни капли косметики, только тонкий слой пудры, будто пыталась скрыть усталость. Глаза серые, холодные, но не жестокие, скорее выжженные. Видно: не первый день в этом аду. Скорее всего, одинока, такие как она, редко держатся в браке или в паре долго - система съедает всё: чувства, терпение, да и сорваться надо по беспризорникам в любой момент.

— Добрый день. Милованова Ольга Сергеевна. Мне нужно сделать запрос. Найден ребёнок у дальних родственников, мамы и след простыл. Мало ли что там произошло, проверьте, пожалуйста.

Она кладёт трубку, смотрит на меня, потом — на тётку Машу.

Тётка сидит на диване, сгорбившись, будто старается занять меньше места в этом мире. Алиса ходит по комнате, быстро адаптировалась. Играет с облезлой желтой кошкой, она в моем детстве была уже страшной и скублаченной.

— Так, я вижу, что ребёнок в безопасности. На сегодня я оставляю её с вами, — говорит Ольга Сергеевна, крутит пальцы. Вижу, как она тяжело принимает это решение. — Ваши документы мне надо сфотографировать. Если мать не объявится, и если Алису никто не ищет, то будем решать, что делать потом.

— А что у нас всё на электронный вид перешло? Или запрос почтовым голубем делать будете? — чувствую сильный тычок в спину. Да, надо учиться держать язык за зубами.

Тётка Маша громко вздыхает так, будто выдыхает последние силы.

— Мария Андреевна, я вам очень верю. Вижу, что Алиса вам доверяет. Пожалуйста, не подведите. Выходные впереди. Если я сейчас её заберу, до понедельника никто её судьбой заниматься не будет, а больница и приёмник, сами понимаете.

— Миленькая, да я всю жизнь здесь живу! Можем хоть по соседям пройтись, все у них спросите. Куда я из родного дома? А Алиса - она же от Ниночки послание! Смотрите! — протягивает эту старую фотку.

Ольга Сергеевна берёт снимок, прищуривается.

— А действительно похожа!

Не пойму: врёт, чтобы угодить, или и правда видит сходство.

Кладёт на стол визитку.

— Звоните в любое время. Мало ли что-то вспомните. Я понимаю, что, может, вам и выгоднее её не искать... но тогда мы не сможем оформить опеку. Герман, ну, вспоминайте, с кем вы встречались? Ну не сотней же женщин у вас мужские подвиги измеряются.

Усмехаюсь. Может, и не сотней. Кто их, когда считал.

Наконец, чужих в доме нет.

Тишина давит, как в подвале.

Сажусь рядом с Алисой, зову себе на руки.

- А вы сюда на поезде ехали или на машине? — повторяю вопросы, что задавала «специалист по детям». Может, она мне раскроется.

Она молчит. Смотрит в пол. Пальцы сжимают зайца так, что костяшки белеют.

— Тётъ Маш, а соседка тебе ничего не рассказывала?

— Гер, ну что она рассказала. К ней в квартиру постучали. Она печенье с творогом пекла, помнишь, её муж Ильич их любит. Она в гости никого не ждала, вот и не спешила. Потом к ней другая наша соседка зашла...

Господи, что за «дедка за репку, бабка за дедку».

— А если всю лирику опустить?

— Короче, всех соседей переполошили. Сказали, что тебя ищут. Соседи сказали, что ты здесь не живёшь. Тётка, которая привезла Алисочку, сказала, что тебе надо передать её. Записки нет. Просто оставила девочку у двери, сказала, что сейчас вернётся, надо за вещами спуститься. Пока соседи руками разводят, она и слиняла. Ну вот и так она ко мне попала.

— Котик, а кто тебя привёз?

Алиса делает вид, что не слышит. Отворачивается. Ладно. Надо найти подход.

— Гера, ты чего расселся! — тётъ Маша вскакивает, будто её ужалили. — Знакомиться потом поближе будете. Поехали, одежду купим, кое-что из продуктов, игрушки, книжки.

— А если её завтра заберут?

— Даже не думай в эту сторону! Ты мне деньгами помогай, и всё. Живи со своей длин-нобудылой, а мы с Алисой сами. Я её к ребёнку не подпущу. Она у тебя хоть посуды мыла? Я в прошлый раз видела, как она губку двумя своими когтями взяла. Вот не воспитала мать, что она будет с дитём делать? Алиса, а это твой папа. Он добрый, хороший, придурастый немного, но это ещё молодой, ничего, он быстро вырастет. А ты куклу хочешь? Или котика тебе игру-шечного купим? Поехали.

— Поехали. И колясочку, как в садике, чтобы куколку катать.

— Ага! Малышка ходила в садик!

— Да отстань ты от ребёнка!

Глава 6

Герман

— Ну и где ты своё сокровище от меня прячешь?

На лавочке у подъезда — Мира. В руках огромное шоколадное яйцо в фольге и игрушка в коробке с розовыми бантиками. Выглядит как реклама «счастливой семьи» — идеальный макияж, локоны уложены, даже ветер не посмел растрепать. Но в глазах — не забота, а проверка. Она приехала не за ребёнком, она приехала за мной.

— Я же битый час тут трезвоню, думаю, вдруг ты от меня скрываешься. Звоню, а у тебя — «абонент недоступен». В квартире той тоже никого нет. А то мне про девочку-то сказала, а я думаю — а о маме умолчал. Вдруг, я как Аленушка на камне тебя жду, а ты новую семью уже завел. Давай, знакомь меня с дочкой.

Стою у машины. Даже через тонированное стекло вижу взгляд тёти Маши. Она Миру и раньше не жаловала — слишком громкая, слишком наряженная, слишком... не отсюда. А сейчас так вообще, просто кость поперек горла.

Открываю заднюю дверь. Из нового детского кресла — ярко-синего, с ремнями и подголовником — осторожно высаживаю Алису. Она держится за край двери, будто боится, что её снова увезут.

— Ага, значит, ты для моего Прошки пожалел даже пелёнку постелить на заднее сиденье, а тут сразу кресло. Гер, ты меня очень удивил. И даже не знаю, в какую сторону. Ты и вдруг — отец, как малышка в твой график так быстро вписалась, я тебя иногда неделями не вижу.

— Ну ты сравнила: кобеля и ребёнка.

— Так, если у тебя память короткая, ты сам говорил, что в твоей тачке животным и сопливым детям не место.

Алиса смотрит на Миру с интересом. Не с надеждой, с любопытством, как на яркую бабочку, которая может укусить. Шоколадное яйцо притягивает её взгляд.

— Вот, забирай, маленькая, — голос Миры становится наиграно заискивающим, как у продавщицы в детском магазине. — Давай с тобой дружить. Я буду твоей мамой.

Алиса делает шаг назад. Спина упирается в машину. Глаза поднимает на меня.

— Нет. Ты не моя мама.

Голос дрожит. Вот-вот расплчется, не от обиды, а от страха: а вдруг эта женщина правда станет её мамой?

С другой стороны машины выходит тётя Маша. В руках пакеты, на лице решимость.

— Вот, ещё к ребёнку подойти не успела, уже до слёз довела! Ну вот что ты за человек? У тебя же сердце — лёд, в глазах только деньги. Не понимаю, как и главное, зачем Герман тебя терпит. Вот что ты такое умеешь, что он готов закрыть на всё глаза?

— Фу, — Мира делает брезгливое лицо, будто перед ней не пожилая женщина, а мусорный бак.

Алиса протягивает яйцо обратно.

— Не надо.

— Не бери от неё ничего, — тётя Маша берёт девочку за плечо. — Я тебе такое сейчас найду, не переживай, моя хорошая.

Иду к багажнику. Вытаскиваю пакеты из детского магазина. Удивительно, но Алиса вела себя очень скромно, отказалась почти от всего. Не капризничала, не тыкала пальцем. Просто молчала. А тётя Маша... в какой-то момент будто помолодела на двадцать лет. Едва не вприпрыжку носилась по отделам: «А вот это ей к лицу! А это — на вырост! А это — обязательно!» Глаза горели. Как будто не одежду покупала — а искупала вину за что-то.

— Гера, так в наше время ничего толком не было. А когда ты маленький был, то ни у меня, ни у Ниночки таких денег не было. Мы покупали самое необходимое — и не в магазине, а на рынке. Помнишь? Стоишь за шторой на картонке — зимой ног уже не чувствуешь, штаны сидят плохо: то тянет, то присбориваются. Но молчишь — обновку-то хочется. Дай, я хоть на старости лет душу отведу. Тем более — радость-то какая: девчушку одевать!

— Вам зачем на ребёнка столько вещей? — Мира делает дикие глаза. — Ей их за всю жизнь не сносить. Она же растёт быстро.

— А ты его деньги зачем считаешь?

— Так, бабоньки мои, не ссоримся. Пойдёмте, дома всё решим.

— А меня не приглашали, — Мира встаёт в стойку. Теперь она сильно обижена.

— Хорошо. Тогда я приеду и дома поговорим.

— И её с собой привезёшь? У нас квартира большая, светлая. Так уж и быть — я тебе две полки выделю. И комнату себе выберешь, которая больше нравится. И будешь у меня самой модной! Вы пока с вещей бирки не срезайте — надо глянуть, что набрали. Судя по всему, Мария Андреевна, вкус у вас немного устарел. Боюсь, придётся половину вещей вернуть, чтобы девочка не как пугало ходила. Вы же понимаете, мы с Германом одеты по последнему слову моды.

— Десятая чёрная футболка и джинсы, — тётя Маша кивает на меня. — Это мода? Так, с такой и даже я справлюсь. А ты на девочку глаз не клади. Она с тобой жить не будет. Она мне Ниночкой дарована — вот и жить будет со мной.

Мира подкатывает глаза.

Звонит телефон. Охрана дома, куда привезли Алису.

— Мы всё посмотрели. Женщина перед тем, как оставить ребёнка, приезжала дважды. Стучала к вам, но не нашла никого. От камеры не пряталась, вполне узнаваема. Сейчас по фото и ментам пробьём, может, есть какие-то зацепки.

— Вы мне фото скиньте. Вдруг тётя Маша кого опознает, или Алиса что-нибудь расскажет.

Через две минуты приходит фотография. Для них - чёткое лицо, для меня, как снимок УЗИ: всё серое, полосатое, размытое.

— Алиса, а ты это тётю знаешь? — показываю ей фотку.

Она смотрит. Молчит. Потом берет тетя Машу за руку, смотрит на нее и тихо, почти шёпотом:

— Так это не тётя. Это баба...

Глава 7

— Ольга Сергеевна, у нас тут новые обстоятельства всплыли, — звоню инспектору, может, она мне подскажет, что делать. — У нас тут всплыла фотка родственницы, оказывается, она меня несколько дней разыскивала. Пока не понимаю, что и как. Может, в полицию сходить, в розыск подавать?

— Я сейчас приеду. В полицию успеем, я по своим каналам постараюсь найти.

Голос у неё, разговор короткий, без пафоса, трубку взяла быстро - будто ждала этого звонка.

Мира сидит на диване, насупившись, ногтями стучит по подлокотнику. С Алисой контакт у неё никак не идёт — девочка молчит, отводит взгляд, будто чувствует: эта она как будто соперницы, и Мира никак не хочет её здесь.

Малышка сидит на полу, разложив огромный конструктор, рядом железная дорога. Видно, что она счастлива, а проблемы взрослых ее никак не волнуют.

— А инспекторша специально, наверное, ездит по молодым папашам, — Мира фыркает, — вдруг и её кто приголубит. Скорее всего, одинокая заучка, вряд ли бы замужняя успешная женщина в выходные неслась сломя голову по работе.

— Фу, какой у тебя рот поганый, — тётя Маша делает вид, что сплевывает под ноги.

— А что? Одна подружка сказала, что ваша Ольга Сергеевна - серая мышь. А тут и ребёночек уже готовый, и мужик на всех слюни пускает.

— Мира, — стараюсь не повышать голос, — ты рядом с ребёнком. Тебя не смущает?

— Меня смущает, что ты готов любого подкидыша приютить. Хоть бы тест сделал, мать её нашёл сначала, вспомнил, с кем и в какое время ... перепихивался. А то сопли и слюни распустил: «Ой, доченьку нашёл!» Мелкая, а давай, я тебе косички модные заплету?

Она спускается на пол, присаживается рядом с Алисой. Та отворачивается, уходит от контакта.

— Тебе не кажется, она немного у вас того? Дети в её возрасте уже Чуковского цитируют, а эта — пять слов говорит. Педагогическая запущенность и дебилизм просто на лице. Может, мать у неё пьющая была? Ты же сам не помнишь?

— Сама ты дура длиннобудылая, — тётя Маша встаёт, голос дрожит от злости, — а Алиса у нас всезнайка, правда? Тили-тили, тили-тили... И вдруг, неожиданно для всех, Алиса подхватывает:

— Тили-тили, тили-бом! Загорелся кошкин дом! Бежит курица с ведром, Заливает кошкин дом...

Говорит с выражением, жестикулирует, глаза горят, рассказывает, как будто сама видела, как курица бежала. Даже интонацию меняет: курица — тонким голосом, пожар — громким шёпотом.

- Только это не Чуковский, - Мира из вредности морщит нос.

— Ну, она побольше тебя знает, — тётя Маша с вызовом смотрит на Миру.

Я смотрю на девчушку. Сердце подсказывает: моя. И не могу её никому отдать. Она же не котёнок, не игрушка, не «временная проблема». Ещё бы её подноготную накопать. Кто мать? Почему бросила? Или... не бросила? Может, просто не смогла?

Звонок в дверь. Тётя Маша бежит открывать дверь, Алиса за ней.

— Ольга Сергеевна, проходите.

Алиса подходит первой. Обнимает инспекторшу за талию, прислоняется к ней. Та не отстраняется, кладёт руку ей на плечо.

— А ну, вот, подкидыш себе уже мамку определил, — усмехается Мира.

Я или слепой был, или пока дорогу ей никто не переходил, она нормальной была. Что за странная реакция?

— Мира, а пойдём с тобой поговорим наедине, - хватаю её за руку, тащу на кухню. Дверь закрываю. — Ты что здесь устраиваешь? Мира, какого хрена происходит?

— Герман, ты дурак или совсем слепой? Тебя хотят развести, как лоха. Кто-то ребёночка покинул, ты подобрал и не глядя деньги спускаешь. Хотя подгузники не меняешь — уже хорошо. Тётка вся твоя светится, и тут инспекторша приходит и всё разруливает. Все её любят. Может, они сами сговорились, тебя на этой серости болотной женить, раз я не нравлюсь. И, конечно, мне не нравится, что моего мужчину у меня из-под носа уводят. Ты думаешь, я не вижу?

— А может, тебе, правда, от меня только деньги нужны? С тёткой ты не очень пыталась подружиться? Ребёнком брезгуешь. Если станет выбор — она или ты — ответ очевиден. Подумай над этим.

Смотрю Мире в глаза, буря эмоций, кажется, если из Миры могла выскочить буря, она бы сейчас тут все разнесла.

Возвращаюсь в зал. Мира идёт следом, красная, губы поджаты, будто проглотила лимон.

Ольга Сергеевна уже сидит за столом. Алиса — рядом, держит её за край рукава.

— Алиса сказала: «Это баба». Может, мать вашей бывшей девушки? — Ольга Сергеевна смотрит на меня, ждет какой-то реакции. Видимо, я какой-то жизненный урок прохожу, когда все от меня чего-то ждут, а я должен оправдать их ожидания.

Я не знаю, что сказать. В голове — пустота. Ни имён, ни лиц, только ощущение, что прошлое ворвалось в мою жизнь не через дверь, а через щель в фундаменте — и теперь всё может рухнуть.

Она кому-то отправляет фото, через пять минут расплывается в улыбке

— Мы нашли её. Адрес сейчас скину.

Глава 8

— Так, у меня есть адрес вашей, возможно, родственницы. Нужно ехать, — Ольга Сергеевна что-то записывает в потрёпанный блокнот с оторванным уголком. Пальцы у неё в чернильных пятнах — видно, не первый день работает с бумагой, а не с планшетом.

Мира смотрит на нее с усмешкой, конечно, такие для нее - люди второго сорта.

— Поедьте, конечно, — тётя Маша вскакивает, будто её подкинуло пружиной. — Я всё сразу скажу, чтобы потом недопонимания не было: Алису никому не отдам. Поняли? И кто бы там, что ни сказал, моя внучка.

Последняя фраза звучит угрожающе — не как просьба, а как приказ. Я киваю. Готов, если надо, и денег горе-мамаше отдать, лишь бы потом не лезла с претензиями. Пусть живёт спокойно, а мы — воспитаем. Есть вопросы по Мире, но это мы потом решим. Сейчас не время.

— Так, я тогда вызываю такси, — инспекторша направляется к двери.

— Зачем? У нас есть машина. А вы что — на такси разъезжаете? — спрашиваю с осторожностью. Кажется, рядом со мной какая-то блаженная, неужели в современном мире есть еще такие городские сумасшедшие.

— Ну, в рабочие дни я езжу на служебной машине. Но сейчас машина на стоянке, я не на смене.

— Что? Вы свою и без того, как я вижу, небольшую зарплату отдаёте на поездки по непонятным людям? Или потом счет выставите за оказание услуг, тогда все понимаю.

Еще одна странность - Мира падает все ниже и ниже.

— Я для ребёнка стараюсь. Боюсь, вашему мышлению это не понять. Пока я буду ждать, что меня кто-то бесплатно подвезёт, ребёнок может пострадать — от взрослых, вот таких, как вы, — кивает на Миру. - Мир жесток, я как человек, работающий в системе, это очень хорошо понимаю.

— Эй, прохвостка! А твоё начальство знает, что ты тут делаешь? А то под благими делами, знаешь, что бывает?

Алиса встаёт, подходит к Ольге Сергеевне и встаёт перед ней — маленькая, хрупкая, но решительно закрывает инспекторшу своей спиной.

— Даже дите всё понимает, — тётя Маша фыркает, начиная одевать Алиску: шапочку, куртку, варежки. — А ты, Гера — дундук.

— Мира, а ты поезжай домой. Мы потом наедине поговорим. Всё!

— Нет! Я хочу посмотреть, что за коза тебя вокруг пальцев обвела, а ты её обрюхатил. Хочу прям в глаза заглянуть.

— Спускайтесь, — Ольга Сергеевна уже у двери. — Я не для того, чтобы ваши разборки смотреть, приехала. Мария Андреевна, поедете с Алисой сами. Такси оплачу. А вы пока дождётесь... — рукой показывает на меня.

Она выходит первой. Я беру Алису на руки — лёгкая, как птица, но в теле — напряжение. Спускаюсь с ней по лестнице.

— А ты колючий, — шепчет она, глядя меня по щеке. — За игрушки спасибо.

Кажется, начинает привыкать ко мне. Идёт на контакт. Обнимаю её крепче. Макушка пахнет детским шампунем — сладковато, чисто, как будто из другого мира.

— Не надо нам её, — показывает рукой на Миру. — Пусть дома будет.

— Я с вами в одной машине и так не поеду! — Мира злится, но уже не на Алису — на меня.

Молодец, малышка. Свои границы отстаивает на все сто. А когда же я успел под Миру прогнуться? Как она так умеючи — сначала мою футболку надела, потом ночевать осталась,

потом ремонт в её любимые цвета в ванной... А теперь собирается решать, с кем мне жить? Весело.

— По какому адресу едем? — Мира спрашивает Ольгу Сергеевну. Та молчит.

— Я ещё раз спрашиваю? Или вы думаете, я за вами следом поеду?

— Вы для меня посторонний человек. Я вам никаких данных не дам. Я вас не знаю, вы не являетесь родственником. Кто его знает, что потом будете с этими данными делать? Может, шантажировать. На месте оперативной работы будут только близкие люди. Простите.

Снимаю машину с сигнализации. Ольга Сергеевна подходит к пассажирской двери, сама её открывает. Всем видом показывает: общаться не собирается.

Тётъ Маша с Алисой размещаются сзади. Девчонка сначала молчит, потом начинает напевать — то про трактор, то про котов, то про «дождик мочит всех подряд». Голос тихий, но уверенный.

— Менделеева, двадцать восемь. Женщину зовут Елена Николаевна Свиридова. Вам ничего не говорят эти данные?

Пожимаю плечами. Что они мне могут сказать? Как будто я перед тем, как с кем-то ложиться в постель, спрашивал имя и фамилию.

Заезжаем во двор. Панельный дом, балконы в постирушках, детская площадка с ржавыми качелями. Через зеркало заднего вида наблюдаю за Алисой. Она перестаёт петь. Начинает ерзать. Крепче сжимает игрушку — розового зайца, которого тётъ Маша купила вчера.

— Алисонька, а ты тут была? — тётъ Маша гладит её по коленке.

Малышка кивает. Не словами — движением головы. Коротко, точно.

— У нас есть номер квартиры, но может, Алиса нас сама приведёт? Ей же лучше знать?

Выходим из машины. Алиса сначала идёт к подъезду уверенно, потом останавливается на ступеньках. Смотрит вверх — на окна, на антенны, на трещины в бетоне. Как будто размышляет: в новой или старой жизни ей будет лучше.

Не думал, что дети в этом возрасте могут думать о таких вещах.

— Котик, пойдём, — Ольга Сергеевна берёт её за руку, мягко, но настойчиво.

Алиса глубоко вздыхает — как взрослый перед важным решением, и идёт в подъезд. Быстро поднимается по ступенькам на второй этаж. Стучит в одну дверь. Никто не открывает.

Поворачивается, пожимает плечами, будто говорит: «Ну, не та» и стучит в соседнюю.

Слышу шаги за дверью. Медленные, осторожные.

Дверь открывается.

— Алиса?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.